

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних

Л.М. Карнозова¹, Д.Ю. Кормилицина¹ ✉

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ kormilicina.d@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Программы восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних демонстрируют принципиальное отличие от привычных способов реагирования на противоправное поведение, что и определяет их действенность. Признание этого факта и распространение восстановительного подхода в сфере детства приводит к широкому использованию этого термина и одновременно к размыванию и деформации представлений о сути восстановительной парадигмы. В качестве критерия отнесения практик к этой парадигме предлагается понятие «восстановительный процесс», означающее обобщенный феномен, рождающийся в программах восстановительного правосудия, основной характеристикой которого являются специфические изменения, происходящие с участниками и в отношениях между ними. **Цель.** Построение рабочего понятия «восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия» и выявление условий, форм проявления и характеристик восстановительного процесса в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних. **Ключевой исследовательский вопрос:** что представляет собой восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних и каковы формы его проявления? **Методы и материалы эмпирического исследования.** В работе использованы качественные методы сбора и анализа данных: анализ семи кейсов восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних (case-study) и полуструктурированные интервью с четырьмя ведущими восстановительных программ. **Результаты.** Предложено рабочее понятие «восстановительный процесс», определены его ключевые характеристики, условия и препятствия для его реализации, а также особенности восстановительного процесса с участием несовершеннолетних. **Выводы.** Теоретическое разграничение понятий

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

«восстановительная программа» и «восстановительный процесс» и феноменологическое описание восстановительного процесса позволили выделить трансформации, происходящие с участниками в ходе восстановительной программы, и сделать видимыми на микроуровне изменения в человеческих отношениях, стоящие за общим социальным смыслом восстановительного правосудия как парадигмы.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, восстановительный процесс, восстановительные программы, восстановительная медиация, правонарушения несовершеннолетних

Для цитирования: Карнозова, Л.М., Кормилицина, Д.Ю. (2026). Восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних. *Психология и право*, 16(3), 189—207.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160311>

The restorative process in restorative justice programs for juvenile offense situations

L.M. Karnozova¹, D.Yu. Kormilitsina ✉

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ kormilitsina.d@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Restorative justice programs for juvenile offenses demonstrate a fundamental difference from conventional responses to unlawful behavior, which accounts for their effectiveness. Recognition on this fact and the expansion of the restorative approach in the field of childhood has led to the widespread use of this term, while simultaneously blurring and distorting perceptions of the essence of the restorative paradigm in dealing with criminal and conflict situations. As a criterion of classifying practices under this paradigm, the concept of “restorative process” is proposed, the main characteristic of which is the specific transformations occurring in participants and in the relationships between them.

Objective. To construct a working concept of the “restorative process in restorative justice programs” and to identify the conditions, forms of manifestation, and characteristics of the restorative process in restorative justice programs for juvenile offenses. Key research question: what constitutes the restorative process in restorative justice programs for juvenile offenses and what are its forms of manifestation?

Methods and materials of empirical research. The study employed qualitative methods of data collection and analysis: an analysis of seven case studies of restorative programs for juvenile offenses and semi-structured interviews with four facilitators of restorative programs. **Results.** A working concept of the “restorative process” is formulated, its key characteristics, conditions, and obstacles to its implementation are identified, as well the specific features of the restorative process involving minors.

Conclusions. Theoretical distinction between the concepts of “restorative program”

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

and “restorative process” and phenomenological description of the restorative process and its characteristics made it possible to identify the transformations occurring in participants during a restorative program and to render visible, at the micro-level, the changes in human relationships that underlie the broader social meaning of restorative justice as a paradigm.

Keywords: restorative justice, restorative process, restorative programs, restorative mediation, juvenile offenses

For citation: Karnozova, L.M., Kormilitsina, D.Yu. (2026). The restorative process in restorative justice programs for juvenile offense situations. *Psychology and Law*, 16(3), 189—207. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160311>

Введение

Проблема подростковой преступности не теряет своей актуальности. За последние 10 лет, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их участии, сократилось более чем в 2 раза. Несмотря на общее снижение числа совершаемых подростками преступлений, стабильно высоким остается удельный вес несовершеннолетних, ранее совершавших противоправные деяния¹. В качестве одной из альтернатив «традиционной карательной системе» в работе с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом, выступает восстановительное правосудие (далее — ВП) (Зер, 2002). Участие в программах ВП побуждает правонарушителей признать последствия своих действий, взять на себя ответственность и активно участвовать в заглаживании причиненного вреда, повышается удовлетворенность жертв, укрепляется сплоченность сообществ (Omowon, Kunlere, 2024).

Концепция ВП органично вплетается в контекст международных стандартов, ориентированных на перевоспитание и социальную реинтеграцию несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом². В России формирование практики ВП связано с деятельностью Общественного центра «Судебно-правовая реформа» (1997—2022) и Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации³. Этим общественным объединениям во взаимодействии с судами, правоохранительными органами и региональными системами профилактики правонарушений несовершеннолетних удалось в ряде регионов организовать работу по проведению программ ВП: выделены рамочные положения относительно восстановительного подхода и возможностей его реализации⁴, разработаны организационные

¹ Портал правовой статистики. [б. г.]. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.05.2026).

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). [б. г.]. Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 20.05.2026).

³ Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). [б. г.]. URL: <https://rj-rus.ru/> (дата обращения: 20.05.2026).

⁴ Стандарты восстановительной медиации. (2009). Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). URL: <https://rj-rus.ru/стандарты-восстановительной-медиации/стандарты-восстановительной-медиации-2/> (дата обращения: 20.05.2026).

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

формы, методы и методики работы ведущих восстановительных программ⁵ и способы включения и распространения новой практики (Карнозова, 2024; Карнозова, Максудов, 2006; Максудов, 2009).

Применение программ ВП в Российской Федерации не регламентируется специальным законом, но и не противоречит действующему законодательству в области детства, а также уголовному и уголовно-процессуальному законодательству (Карнозова, 2024). Закон предусматривает возможность прекращения дел за примирением сторон по преступлениям небольшой и средней тяжести, если оно совершено впервые (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ), а по более тяжким преступлениям предусмотрено смягчение наказания в случае заглаживания вреда (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Программы ВП фактически оказываются механизмом реализации существующих норм, однако в силу отсутствия специального закона проводятся лишь в нескольких регионах⁶. Поэтому «примирение», допускающее официальное прекращение уголовного дела, происходит не только в программах ВП и в большинстве случаев ограничивается финансовым возмещением вреда. Если речь идет о преступлениях несовершеннолетних, это делают родители. В отличие от этого в программах ВП создаются условия для получения правонарушителем в психологически безопасной атмосфере обратной связи от жертвы о фактических последствиях его действий, тем самым открывается возможность осознания вины и занятия подростком ответственной позиции. Программы ВП добровольны для обеих сторон. Жертве они дают возможность восстановить нарушенные права, отношения и ощущение справедливости. Участники ситуации сами являются субъектами принимаемых решений (Зер, 2002; Карнозова, 2024; Кристи, 1999; Максудов, 2009).

В Резолюции 2002/12 Экономического и Социального Совета ООН, принятой 24 июля 2002 года «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия»⁷, введено понятие восстановительного (реституционного) процесса: это «...любой процесс, в котором жертва и правонарушитель и, в соответствующих случаях, любые другие лица или члены общины, пострадавшие от какого-либо преступления, активно участвуют в совместном урегулировании вопросов, возникающих в связи с преступлением, как правило, при помощи посредника. Реституционные процессы могут включать в себя совместную деятельность по посредничеству, переговорам и назначению наказания»⁸. Такое определение восстановительного процесса выступило в качестве рамочного обозначения различных форм и программ восстановительного правосудия и аналогичным образом используется в других международных документах и зарубежных исследованиях (Charman, Laxminarayan, Vanspauwen, 2021; Liebmann, 2007; Suzuki, 2022), но не указывает на характер процессов, происходящих с самими участниками. Что происходит? Какие психологические механизмы запускаются? Как они связаны с достижением восстановительных результатов и

⁵ Далее в тексте — ведущий. Это специально обученный специалист, который проводит восстановительные программы.

⁶ *Общественный мониторинг деятельности служб примирения*. [б. г.]. Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). URL: <https://tj-rus.ru/articles/мониторинг-деятельности-служб-прими/> (дата обращения: 20.05.2026).

⁷ *Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия*. (2016). Организация Объединенных Наций. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

⁸ В оригинальном тексте “sentencing circles”— круги по вынесению приговора.

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

каковы условия их достижения? Это и многое другое выходит на первый план в практике проведения программ ВП. В отличие от судебных процедур, где поведение сторон жестко регламентировано процессуальными нормами, участники программ ВП погружаются в ситуации, требующие самостоятельного осмысления случившегося и совместного поиска решений выхода из ситуации. Действия участников вариативны и непредсказуемы, а исход во многом зависит от того, как ведущий понимает происходящее. В рамках нашего исследования термином «восстановительный процесс» мы обозначили обобщенный феномен, указывающий на *внутреннюю динамику восстановительной программы* — изменения, происходящие с участниками и в отношениях между ними.

В исследовании 1996 г. на основании наблюдений за несколькими общинными конференциями ВП в Австралии показано, что ключевым аспектом встречи сторон является ее эмоциональное измерение, процесс не материального, а символического возмещения, проявляющийся в динамике эмоций и отношений между участниками. Исследователями выделены собственно восстановительные элементы взаимодействия сторон, названные «восстановительными действиями»: выражение раскаяния и стыда со стороны правонарушителя и ответный шаг жертвы на пути к прощению. «Несмотря на то, что эмоциональный обмен, составляющий основу “восстановительных действий”, может быть весьма кратким (возможно, несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных преступлений... чрезвычайно важно уравнивать в значимости символическое возмещение и соглашение о материальной компенсации. Если этого не сделать, [восстановительные] конференции в конце концов окажутся лишь немногим лучше традиционного судебного процесса» (Рецинджер, Шефф, 2001). В основе понимания сути восстановительных действий лежит теория разделения практик клеймящего и воссоединяющего устыжения (Брейтуэйт, 2002; Зер, 2017). Эти работы проложили путь для изучения специфических процессов, происходящих в программах ВП.

Сегодня можно говорить о множестве исследований, по большей части зарубежных, касающихся изучения отдельных феноменов и процессов: прежде всего извинения и прощения (Иванов, 2026; Liebmann, 2007; Omowon, Kunlere, 2024; Suzuki, 2022). Изучались психологические характеристики подросткового и юношеского возраста, которые указывают на необходимость учитывать их в конструкции восстановительных программ с участием несовершеннолетних, а также проявлять гибкость и чуткость при их проведении. Несовершеннолетние могут испытывать трудности с выражением эмоций из-за сочетания таких факторов, как недостаток эмоционального интеллекта, негативный опыт, страх показаться слабыми, неумение выражать чувства, отсутствие доверительных отношений (Handbook on Restorative Justice Programmes, 2020). При этом в большинстве проанализированных эмпирических исследований основное внимание уделяется правонарушителю и жертве при игнорировании участия ближайшего окружения, в то время как родители и другие близкие являются важнейшими субъектами восстановительного процесса в ситуациях, касающихся несовершеннолетних.

Наша исходная идея состоит в разделении понятий восстановительной программы как процедуры (восстановительная медиация, круг сообщества, семейная групповая конференция, общинная конференция) и происходящего там восстановительного процесса как обобщенного феномена в отличие от локальных «восстановительных действий» и других проявлений. В проанализированных источниках мы фокусировались на характеристиках, составных частях и

проявлениях этого внутреннего для восстановительных программ процесса. В результате удалось выделить ряд общих положений, касающихся сущности, субъектов, элементов и внутренней динамики восстановительного процесса.

Одной из важнейших характеристик восстановительного процесса является его полисубъектность. Его содержание и результаты складываются из действий широкого круга участников: жертвы, правонарушителя, их родителей, представителей ближайшего окружения, специалистов, взаимодействующих с семьей и несовершеннолетним. Ведущий организует пространство для диалога и обеспечивает его безопасное течение.

Структура восстановительного процесса включает последовательность взаимосвязанных элементов: голос жертвы, стыд, извинение, выражение прощения как возможный, но не обязательный исход диалога.

Целью эмпирической части нашего исследования стало уточнение и дополнение понятия восстановительного процесса и выявление условий, форм его проявления и характеристик.

Ключевой исследовательский вопрос: что представляет собой восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних и каковы формы его проявления? В ходе работы появились уточняющие вопросы: Каковы условия возможности восстановительного процесса? Каковы средства ведущего в создании условий для восстановительного процесса? Что препятствует восстановительному процессу в программах ВП по ситуациям правонарушений несовершеннолетних?

Материалы и методы

Эмпирическое исследование включает два блока.

1. Анализ восстановительных программ по ситуациям правонарушений с участием несовершеннолетних — кейс-стади (case-study).
2. Полуструктурированное интервью с ведущими восстановительных программ.

В качестве материала кейс-стади проанализированы 7 восстановительных программ: 2 проведены одним из авторов статьи, Д.Ю. Кормилициной (использовалось описание программ), и 5 программ, проведенных другими ведущими территориальных служб примирения и ставших предметом обсуждения на семинарах в рамках обучающего курса по восстановительному правосудию в 2024 г. в Алтайском крае (использована видеозапись и стенограмма семинара).

Все кейсы представляют собой восстановительную медиацию между несовершеннолетним правонарушителем и жертвой. Основные этапы программы таковы: проводится сначала предварительная встреча ведущего с правонарушителем, затем — с жертвой, затем — общая встреча сторон. Если участниками ситуации являются несовершеннолетние, в программе ВП обязательно участвуют их родители или иные законные представители.

Для структурирования описания кейсов разработана форма и схема анализа, направленная на выделение ключевых элементов восстановительного процесса в соответствии с основными этапами программы ВП: фиксируется, что происходит на каждом этапе с каждым из участников и во взаимодействиях между ними. Отдельное внимание уделено инструментам и приемам ведущего для запуска, организации и поддержания восстановительного процесса. Материал каждого кейса первоначально структурировался в отдельной таблице, где по

каждому этапу выделены: событие/действия участников; приемы/инструменты ведущего; субъект действия; субъект эмоции/состояния; комментарий. Для дальнейшей обработки материала использовались элементы феноменологического описания (Бусыгина, 2026).

Для проведения полуструктурированного интервью с ведущими разработан гайд, ориентированный на изучение их опыта в работе со случаями правонарушений несовершеннолетних. Гайд включает вопросы о профессиональном опыте респондента, а также содержательные блоки: понимание ведущим характеристик восстановительного процесса, его этапов, условий запуска, возникающих барьеров. В гайде 25 вопросов. Обработка данных осуществлялась методом тематического анализа, позволяющего выделить устойчивые смысловые паттерны в высказываниях респондентов и систематизировать их в соответствии с исследовательскими задачами. Выборку для интервью составили 4 ведущих из различных регионов (Архангельской области, Пермского края, Волгоградской области, Алтайского края). Критерии включения в выборку: прохождение курса обучения восстановительным технологиям, наличие опыта проведения восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних, действующий статус ведущего восстановительных программ.

Результаты

Анализ кейсов. Результаты анализа кейсов восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних позволили выделить как общие, так и уникальные характеристики восстановительного процесса.

Рассмотренные кейсы юридически относятся к трем категориям правонарушений: преступления (1, 6, 7-й кейсы); причинение вреда при недостижении несовершеннолетним возраста административной ответственности (4, 5-й кейсы); общественно опасные деяния (ООД), не влекущие привлечения к уголовной ответственности из-за недостижения возраста уголовной ответственности (2, 3-й кейсы). В зависимости от объекта посягательства все кейсы можно разделить на две группы: пять случаев связаны с физическим насилием (драки, побои, причинение вреда здоровью), два случая относятся к посягательствам на чужое имущество (кража). Возраст правонарушителей — от 11 до 15 лет, большинство из них мальчики. В качестве пострадавших выступили несовершеннолетние мальчики в возрасте от 10 до 15 лет; взрослые, относящиеся к категории социально незащищенных граждан; юридическое лицо (сетевой магазин).

В пяти кейсах мы фиксируем наличие восстановительного процесса, завершившегося подписанием примирительного договора, в двух кейсах восстановительный процесс не состоялся.

В приведенных ниже фрагментах описаний выделены ключевые моменты, ставшие катализаторами либо, напротив, препятствием для восстановительного процесса. Каждому кейсу мы дали название, которое позволяет в обобщенном виде связать описание случая с той или иной конкретной ситуацией и характеристикой восстановительного процесса. Имена участников изменены.

1. «Обыкновенная история». После окончания уроков между одноклассниками (15 лет) возникла перепалка, в ходе которой Александр кулаком ударил Романа в челюсть. Попытка урегулирования конфликта социальным педагогом в школе усугубила ситуацию и подтолкнула отца потерпевшего к юридическому противостоянию. В отношении Александра

возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 112 УК РФ (умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести). Восстановительный процесс развернулся вопреки длительному перерыву между случившимся и проведением восстановительной программы, а также первоначально амбивалентной позиции жертвы. Родители подростков положительно отнеслись к идее проведения примирительной встречи, но выбор оставили за ребятами. Запуск восстановительного процесса произошел благодаря инициативе правонарушителя после предварительных встреч с ведущим: он сам предложил потерпевшему встретиться. Подростки в ходе восстановительной программы на встрече обсудили причины случившегося, оба признали свою ответственность и выработали конкретные шаги по заглаживанию вреда. Уголовное дело прекращено в суде за примирением сторон.

2. «Камушек в ботинке». 13-летняя Арина после переезда к отцу (мать погибла в ДТП) похищала деньги с кредитной карты отца — всего 150 тыс. руб., которые потратила на одежду и телефон. Отец обратился в полицию. Ввиду недостижения возраста уголовное дело не было возбуждено, семья поставлена на учет в КДНиЗП. Взаимоотношения между отцом и дочерью практически отсутствовали (жили под одной крышей, но не общались), у отца имелись серьезные проблемы со здоровьем (инвалидность), накопился долг по кредитной карте. Проводившаяся после постановки Арины на учет в КДНиЗП индивидуальная профилактическая работа не затрагивала эмоционального разрыва между отцом и дочерью. В ходе восстановительной медиации произошла трансформация от полной коммуникативной изоляции к способности общаться, совместно обсуждать семейные трудности и принимать взаимные обязательства. Преодоление первоначальной закрытости девочки стало возможным благодаря использованию ведущим метафоры конфликта как «камушка в ботинке», актуализировавшей потребность в разрешении ситуации. Восстановительный процесс начался с рассказа отца о том, что он пережил. Это вызвало у девочки сильный эмоциональный отклик и чувство стыда. В итоге она добровольно взяла на себя конкретные обязательства по заглаживанию причиненного вреда, а в семье появилась возможность разговаривать и открыто обсуждать возникающие трудности.

3. «Новый уровень — “дружба”». Двое несовершеннолетних друзей (12 лет и 11 лет) напали на перемене в школьном туалете на незнакомого мальчика (10 лет). Родители пострадавшего написали заявление в полицию. Состоялось судебное заседание о помещении правонарушителей в центр временного содержания (отказано в помещении); родители обидчиков возместили материальный ущерб и наказали своих детей, в КДН и ЗП проведена «индивидуальная профилактическая работа». Однако психологические последствия произошедшего остались без внимания. Мотивация к диалогу у одного из правонарушителей связана с переживанием вины и потребностью в извинении перед жертвой. У второго правонарушителя мотивацией к участию в программе ВП был страх утраты отношений со своим другом. В ходе проведения совместной встречи у всех ребят (правонарушителей и жертвы) обнаружили общие интересы, и они стали вместе планировать досуг. Изменилась и позиция родителей относительно своих «воспитательных мер».

4. «Накопленная обида». Двое пятнадцатилетних юношей, которые прежде были друзьями, поссорились из-за места за последней партой. Стас, разозлившись, толкнул Данила и нанес ему несколько ударов кулаком в лицо. В действиях Стаса усматривался факт административного правонарушения (побои), однако он не достиг возраста административной ответственности. До программы ВП ребята уже помирились самостоятельно, но это не сняло

скрытого напряжения. Организованная ведущим восстановительная коммуникация позволила вскрыть накопленные обиды подростков, предотвратить назревавший конфликт матерей и постановку правонарушителя на профилактический учет. В данном кейсе восстановительный процесс представляет собой углубленную коммуникацию, направленную на анализ причин конфликта, выявление накопленных обид и признание сторонами взаимной ответственности.

5. «Дыра в заборе». Конфликт между соседями в селе. Виктор Александрович, пенсионер, в чей огород из-за дырки в заборе проникли куры, в грубой форме сделал замечание соседке — владелице домашних птиц. Ее сын, 15-летний Максим, после того как сосед оскорбил и его, нанёс мужчине удар кулаком по лицу, а когда тот упал — ударил по телу. В действиях Максима усматривался факт административного правонарушения (побои), но из-за недостижения возраста он не был привлечен к административной ответственности. Инициированная КДН и ЗП профилактическая работа не привела к позитивным изменениям. От восстановительной программы Виктор Александрович отказался, но благодаря настойчивости ведущей и поддерживающей, но не оправдывающей позиции матери Максима совместная встреча состоялась. К восстановительному процессу подтолкнули слова подростка: «мне обидно за маму, Вы постоянно ее оскорбляете, я устал это слушать». Сосед вдруг «увидел» и услышал молодого человека: «молодец, что за мать заступаешься». В стене взаимной враждебности появилась брешь, открывшая путь к нормальной коммуникации между соседями.

6. «Письмо без ответа». Маргарита (15 лет) тайно похитила продукты питания из магазина на сумму 3675 руб. Возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража). В ходе восстановительной программы ведущему стало известно, что семья ранее состояла на учете в КДН и ЗП (полгода) по причине неисполнения родителями обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетней (Маргарита пропускает уроки, родители злоупотребляют алкоголем). Директор, выступающая от лица магазина, не понесла материального или морального ущерба от преступления, не была заинтересована в участии в восстановительной программе. Ведущая предложила девочке написать письмо с извинениями. Мама Маргариты выразила готовность возместить ущерб. Для нее оплата ущерба стала достаточным действием, чтобы снять ответственность с дочери. Маргарита, которая поначалу испытывала чувство стыда и страха перед директором магазина, фактически осталась в стороне от процесса возмещения ущерба, как символического, так и материального. Ее «восстановительным действием» стало довольно формальное написание письма, в котором она объяснила причины правонарушения и попросила прощения у директора магазина. Стыд не перерос в готовность принять ответственность и внести посильный вклад в заглаживание вреда. Письмо не компенсировало отсутствие личного контакта сторон. Восстановительная программа свелась к внешнему урегулированию юридических последствий. Уголовное дело в суде прекращено за примирением сторон, но восстановительный процесс не произошел. Материальное возмещение ущерба родителем и написание письма с извинениями не привели к рефлексии девочки и ее мамы.

7. «Удар левой». Между Петром (15 лет) и Андреем (15 лет) произошла драка во дворе школы. Петр нанес удар кулаком в область переносицы Андрея, после того как тот толкнул его. Зафиксирован перелом носа, потребовалась операция. В отношении Петра возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 112 УК РФ. На первую предварительную встречу Петр пришел с мамой, был активен, излагал свою версию событий, демонстрировал самоуверенность и

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

агрессию по отношению к Андрею, признал факт участия в драке, но отрицал связь между своим ударом и переломом носа: «перелом не мог произойти от удара левой рукой». Он заявил, что «все сделал правильно, повторил бы». Мать подростка выражала тревогу и страх за будущее сына, но во многом была солидарна с его позицией. На вторую предварительную встречу Петр пришел с отцом. Подросток принял закрытую позу, опустил голову, положив ее на стол, отказался взаимодействовать с ведущими, на протяжении всей встречи ограничивался фразой «Я ничего не говорил, такого не было». Отец занял достаточно активную и отчасти агрессивную позицию, требовал вести диалог только с ним, говорил, скорее, языком позиции, выработанной адвокатом. От участия в восстановительной встрече отец отказался. Однако в суде родители Петра выплатили компенсацию потерпевшей стороне, и уголовное дело было прекращено за примирением. Но такое «примирение» не привело к переосмыслению случившегося со стороны правонарушителя и его родителей. Спустя два месяца после окончания судебного разбирательства в территориальную службу примирения поступила заявка из КДН и ЗП, где правонарушителем снова значился Петр. Родители не изменили свою модель поведения в отношении сына. Они, как и раньше, перекладывали вину и ответственность на окружающих и школу.

Анализ интервью. По итогам анализа выделено несколько основных тем, раскрывающих понимание ведущими важнейших характеристик восстановительного процесса в программах ВП по ситуациям правонарушений несовершеннолетних (табл. 1).

Табл. 1 / Table 1

Результаты анализа интервью ведущих восстановительных программ
Results of the analysis of interviews with facilitators of restorative justice program

Темы	Результаты тематического анализа
1. Сущность восстановительного процесса / Core nature of the restorative process	Это внутренние изменения участников, включающие принятие ответственности правонарушителем, исцеление потерпевшего через высказывание боли, восстановление способности слышать и понимать друг друга. Он разворачивается от восстановления событий к осознанию последствий и совместному конструированию будущего и может продолжаться после завершения программы / It pertains to internal changes of the participants, including the acceptance of responsibility by the offender, healing of the victim through expressing pain, restoring the ability to hear and understand each other. It unfolds from the reconstruction of events to the realization of consequences and the joint construction of the future. Restorative process can continue after the completion of the program
2. Условия запуска восстановительного процесса / Conditions for initiating the restorative process	Организационные: предварительные встречи, согласие родителей / Organizational: preliminary meetings, parental consent Психологические: признание правонарушителем причастности, безопасная атмосфера, выход участников на эмоциональные переживания, без которого не возникает необходимая внутренняя динамика / Psychological: the offender's recognition of involvement, a safe atmosphere, the participants' access to emotional experiences, which is essential for the necessary internal dynamics

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

3. Роль ближайшего окружения / The role of the immediate environment	Родители выступают «первыми воротами»: без их согласия участие подростка невозможно / Parents act as the "first gate": without their consent, a teenager's participation is impossible Позиция родителей (агрессивно-обвинительная, беспомощная или поддерживающая) транслируется ребенку и определяет его готовность к диалогу / The parents' position (aggressively accusatory, helpless, or supportive) is transmitted to the child. It determines a child's readiness to engage in dialogue Значимое влияние оказывают сверстники — страх потери авторитета сдерживает искренность подростка / Peers have a significant influence — the fear of losing authority holds back the sincerity of a teenager
4. Роль специалистов / The role of specialists	Специалисты могут как помогать, так и препятствовать восстановительному процессу / Specialists can both support and impede the restorative process Адвокаты часто ориентированы на состязательность, педагоги и психологи — на экспертную позицию, что провоцирует защитную реакцию у участников / Lawyers are often oriented toward adversarial approaches, whereas educators and psychologists tend to adopt an expert stance, which can provoke a defensive reaction among participants При привлечении специалиста нужна предварительная встреча с ним, в ходе которой нужно объяснить цели и принципы ВП и договориться о роли специалиста на совместной встрече / When engaging a specialist, it is better to have a preliminary meeting with him to explain the goals and principles of Restorative Justice and agree on the role of the specialist at a joint meeting
5. Факторы, препятствующие восстановительным процессам / Factors hindering restorative processes	Психологические: отрицание вины правонарушителем, нежелание потерпевшего проживать травмирующую ситуацию вновь, позиция родителей / Psychological: denial of guilt by the offender, unwillingness of the victim to relive the traumatic situation, the parents' position Организационные: несвоевременное поступление заявок, сжатые сроки проведения ВП / Organizational: untimely submission of applications, short deadlines for the implementation of Restorative Justice Системные: отсутствие федерального законодательства, дефицит обученных кадров, деструктивная позиция специалистов / Systemic: lack of federal legislation, shortage of trained personnel, destructive position of specialists
6. Инструменты и средства ведущего / The RJ facilitator's tools and methods	Средства и приемы / Tools and techniques: на предварительных встречах — безоценочное слушание, фиксация значимых деталей в рабочей документации / at preliminary meetings, a non-evaluative hearing is conducted, with significant details recorded in the working documentation;

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
 Восстановительный процесс в программах
 восстановительного правосудия по ситуациям
 правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
 The restorative process in restorative
 justice programs for juvenile
 offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

	в ходе совместной встречи — рефрейминг, эхо-техника, «я-сообщения» / during the joint meeting, techniques such as reframing, the echo technique, and “I-messages” are employed При затруднении устной речи применяются письменные и изобразительные формы / If oral communication proves difficult, written and visual formats can be used
7. Этапы восстановительного процесса / Stages of the restorative process	Первый вариант — организационная модель процесса: получение информации, предварительные встречи, совместная встреча, отслеживание результатов / The first option is an organizational model of the process: information gathering, preliminary meetings, a joint meeting, and follow-up on results Второй вариант — этапы психологических изменений участников: восстановление событий, проживание ситуации, осознание ответственности, совместное обсуждение будущего / The second option outlines the stages of participants’ psychological change: reconstructing the events, processing the situation, recognizing responsibility, and jointly discussing the future
8. Компоненты восстановительного процесса / Components of the restorative process	Стыд и раскаяние / Shame and remorse Проявления — невербальные признаки (опущенный взгляд, слезы, паузы, изменение позы) и искренние высказывания о чувствах. Извинение как добровольный акт не сводится к ритуальной форме, может выражаться в устной, письменной или изобразительной форме / They can be seen in nonverbal cues (averted gaze, tears, pauses, changes in posture) and sincere expressions of feeling. An apology, as a voluntary act, is not reduced to a ritual formula and may be conveyed orally, in writing, or through visual means Прощение не является обязательным итогом программы, а выступает личным правом потерпевшего / Forgiveness is not a required outcome of the program; rather, it remains a personal right of the victim
9. Навыки и качества ведущего восстановительных программ / Skills and qualities of an RJ program facilitator	Профессиональные навыки: знание законодательства и возрастной психологии, регулярная практика, участие в супервизиях / Professional skills: knowledge of legislation and developmental psychology, regular practice, participation in supervision Личностные качества: нейтральность, умение удерживать позицию ведущего, способность слушать и молчать, эмоциональная устойчивость, эмпатия / Personal qualities: neutrality, the ability to maintain the facilitator’s role, the capacity to listen and remain silent, emotional stability, empathy
10. Признаки эффективности проведенной восстановительной программы / Signs of the restorative	Признаки: эмоциональное облегчение участников, изменение их взаимодействия (рукопожатия, совместное обсуждение будущего), изменения в восприятии конфликта (другая сторона перестает восприниматься как враг) / Indicators include participants’ emotional relief, changes in their interaction (such as handshakes and joint discussion

program effectiveness	of the future), and shifts in their perception of the conflict (the other party is no longer viewed as an adversary) Важный ориентир — долгосрочная динамика: отсутствие повторных правонарушений, устойчивость достигнутых изменений / A key sign is long-term progress: the absence of new offenses and the durability of the changes achieved
-----------------------	---

Обсуждение результатов

Обобщая содержание, выделенное в рамках анализа кейсов и интервью с ведущими, мы можем выделить ключевые характеристики восстановительного процесса в программах ВП по ситуациям правонарушений несовершеннолетних.

Восстановительный процесс представляет собой живую динамику изменений в восприятии и понимании ситуации, эмоциональном состоянии и поведении участников, которая разворачивается в ходе восстановительной программы. Этот процесс предполагает постепенную трансформацию первоначальных установок и состояний участников (отрицание, страх, обвинительная или оправдательная позиция) и переход к взаимному пониманию мотивов, потребностей и чувств друг друга, прояснению негативных последствий случившегося, формированию и углублению рефлексии: у несовершеннолетнего правонарушителя — к проживанию им чувства стыда, добровольному совершению действий по заглаживанию вреда; у потерпевшего — к снижению эмоционального напряжения, получению ответов на значимые вопросы, восстановлению чувства безопасности, удовлетворенности результатами; у родителей правонарушителя — к снижению чувства стыда за противоправный поступок ребенка, в отдельных случаях — к восстановлению утраченной коммуникации с ним и изменению стратегии воспитания; у родителей несовершеннолетних жертв — к ощущению безопасности ребенка; у специалистов снижается выраженность установки на контроль и оценивание, восприятие смещается к ориентации на понимание опыта и обстоятельств участников ситуации.

Восстановительный процесс и восстановительная программа не являются тождественными понятиями: программа задает процедурные рамки, а процесс представляет собой ее психологическое содержание, динамику изменений, происходящих с участниками и в отношениях между ними. Восстановительная программа может быть проведена в соответствии со всеми методическими требованиями и соблюдением принципов ВП, но при этом восстановительный процесс может не развернуться, если у сторон не возникает рефлексивного осмысления ситуации и взаимопонимания.

Восстановительная программа как организуемая ведущим процедура имеет определенные временные границы, тогда как восстановительный процесс не ограничивается этим, поскольку внутренние изменения участников могут продолжаться, как между теми или иными этапами восстановительной программы, так и после ее завершения. В данном исследовании мы не ставили цель рассмотреть процессы, происходящие за пределами восстановительной программы. Но в самой программе мы обнаружили, что в структуре восстановительного процесса присутствуют как «видимые» компоненты, которые можно зафиксировать в ходе индивидуальных или общих встреч, так и «невидимые», которые указывают на наличие особых — «промежуточных» — фаз восстановительного процесса внутри программы, но уже за стенами комнаты, где она проводится. Эмпирически результаты этих «промежуточных фаз»

становятся видны ведущему, когда участник приходит на следующую встречу. Эти фазы могут разворачиваться как в восстановительном направлении, так и в противоположном (это отчетливо иллюстрируется кейсами 1 и 7), либо иметь амбивалентный характер. Результаты промежуточных фаз связаны со сложностью структуры восстановительного процесса (эмоциональные реакции, осмысление, обсуждения с близкими, колебания и пр.). В «промежуточных фазах» речь идет об индивидуальных или семейных «руслах» процесса. В ходе взаимодействия сторон на этапе общей встречи индивидуальные линии смыкаются, структура восстановительного процесса усложняется в ходе коммуникации между сторонами.

Важнейшей характеристикой восстановительного процесса в программах ВП с участием несовершеннолетних является его полисубъектность, т.е. вовлеченность в процесс широкого круга участников: несовершеннолетнего правонарушителя, жертвы, родителей несовершеннолетних, ближайшего окружения, специалистов органов системы профилактики, адвокатов. Каждый вносит специфический вклад либо в достижение восстановительного результата, либо в его блокировку. Ведущий занимает особое место. Он организует пространство для диалога и при необходимости, используя коммуникативные приемы (рефлексивные вопросы, метафоры), создает условия, в которых участники могут посмотреть на произошедшее с другой точки зрения, увидеть вместо социальной роли живого человека, сформировать новое понимание о том, что произошло и как быть дальше. Полисубъектность — это не «сумма» индивидуальных позиций, а диалог, взаимодействие, рефлексивная коммуникация, в которой происходит смыслообразование, позволяющее найти выход в конкретной ситуации.

Отдельного внимания заслуживает позиция родителей как условие запуска и реализации восстановительного процесса с участием несовершеннолетних и одновременно как препятствие. Выступая центральным звеном, определяющим саму возможность участия несовершеннолетнего в восстановительной программе, родители передают ребенку свои установки и эмоциональный настрой, которые в совокупности формируют готовность или неготовность несовершеннолетнего к восстановительному диалогу, переживанию или переосмыслению случившегося. Позиция родителей во многом определяет специфику развертывания восстановительного процесса в восстановительной программе и влияет на ее исход.

Главным условием возможности восстановительного процесса выступает специально организованная восстановительная программа. Виды восстановительных программ различаются организационным устройством, процедурами и составом участников, при этом все они предназначены для запуска и реализации восстановительного процесса. Сопоставление с другими практиками реагирования на правонарушения несовершеннолетних по проанализированным кейсам (рассмотрение дела в суде, профилактические меры, осуществляемые КДН и ЗП, стандартные воспитательные меры школы) и с «естественным примирением» показало, что восстановительный процесс стал возможен только в рамках специально организованной ведущим восстановительной процедуры. Средствами ведущего в создании необходимых условий выступают, в первую очередь, устройство самой программы, а также коммуникативные техники и приемы, собственная способность к пониманию того, что происходит, как с самими участниками, так и во взаимодействиях между ними, «восстановительная чувствительность», гибкость, умение слушать.

Факторы, препятствующие запуску и реализации восстановительного процесса, условно можно разделить на три группы: психологические — отрицание вины правонарушителем, нежелание пострадавшей стороны возвращаться к травмирующей ситуации, агрессивно-обвинительная или беспомощная позиция родителей; организационные — несвоевременное поступление заявок в службу примирения из комиссий по делам несовершеннолетних и судов, сжатые сроки проведения восстановительной программы; системные — отсутствие федерального законодательства в области применения ВП, дефицит кадров, обученных восстановительным практикам, деструктивная позиция специалистов, особенно педагогических работников и юристов.

Заключение

В ходе эмпирического исследования удалось уточнить и дополнить содержание рабочего понятия «восстановительный процесс», выделить его сущностные характеристики и отличия от восстановительной программы как процедуры, определить основные условия возможности его запуска и реализации. Восстановительный процесс — это обобщенный феномен, рождающийся в программах ВП, основной характеристикой которого являются изменения, происходящие с участниками и между ними: от отчуждения к диалогу, от враждебности к пониманию, от эмоций к рефлексии, от пассивности к субъектности, от закрытости к совместности, от тупика к решению. Феноменологическое описание восстановительного процесса позволило выделить трансформации, происходящие с участниками в ходе восстановительной программы, и сделать видимыми на микроуровне изменения в человеческих отношениях, стоящие за общим социальным смыслом восстановительного правосудия как парадигмы. Подобные изменения свидетельствуют о самоценности восстановительного процесса безотносительно к тем или иным критериям эффективности.

Перспективой дальнейших исследований является более детальное изучение роли родителей и ближайшего окружения несовершеннолетних в программах ВП и их влияние на специфику развертывания восстановительного процесса. Отдельного внимания заслуживает изучение «невидимых фаз».

Наличие или отсутствие восстановительного процесса в программах ВП может рассматриваться в качестве *критерия восстановительности практики*. По итогам проведенного исследования стала очевидна необходимость в более детальном изучении восстановительного процесса как в программах по ситуациям правонарушений, так и по иным ситуациям.

В нашем исследовании удалось показать, что восстановительный процесс в работе с ситуациями правонарушений раскрывает зоны ближайшего развития несовершеннолетних. Отсюда в качестве теоретической перспективы мы видим опору на культурно-историческую концепцию развития. Важно рассмотреть восстановительную программу не только как инструмент урегулирования криминальных и конфликтных ситуаций, трансформации отношений между конкретными участниками, т. е. решения локальных задач, но и как социальную ситуацию развития несовершеннолетних, где восстановительный процесс может стать системообразующим.

Ограничения. В качестве респондентов для интервью были привлечены только ведущие, но не было самих участников восстановительных программ. В качестве метода исследования не использовалось внешнее наблюдение, что ограничило фиксацию восстановительного

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

процесса в реальном времени. Кроме того, содержащийся в кейсах эмпирический материал касался только восстановительной медиации. Поэтому исследовательский интерес вызывает проявление восстановительного процесса в других видах восстановительных программ и по иным конфликтным ситуациям (школьные, семейные конфликты).

Limitations. Only facilitators were recruited as respondents for the interviews, while the participants of the restorative programs themselves were not included. Observation was not used as a researched method, which limited the recording of the restorative process in real time. Furthermore, the empirical material contained in the case studies primarily concerned restorative mediation. Therefore, further research interest lies in the manifestation of the restorative process in other types of restorative programs and in other conflict situations (school conflicts, family conflicts).

Список источников / References

1. Бусыгина, Н.П. (2026). *Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для вузов*. М.: Юрайт.
Busygina, N.P. (2026). *Qualitative and quantitative research methods in psychology: A textbook for universities*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
2. Брейтуэйт, Дж. (2002). *Преступление, стыд и воссоединение*. Пер. с англ. М.: Центр «Судебно-правовая реформа».
Braitwaite, J. (2002). *Crime, shame and reintegration*. Trans. from Engl. Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center Publ. (In Russ.).
3. Зер, Х. (2002). *Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание*. Пер. с англ. (Л.М. Карнозова, общ. ред.). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
Zehr, H. (2002). *Restorative justice: A new focus on crime and punishment*. Trans. from Engl. (L.M. Karnozova, ed.). Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center Publ. (In Russ.).
4. Зер, Х. (2017). Стыд и восстановительные процессы. *Вестник восстановительной юстиции*, 14, 6—7. URL: <https://elibrary.ru/zxmyvj> (дата обращения: 25.05.2026).
Zehr, H. (2017). Shame and restorative processes. *Bulletin of Restorative Justice*, 14, 6—7. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/zxmyvj> (viewed: 25.05.2026).
5. Иванов, Е.П. (2026). Качественное исследование феномена прощения в восстановительном подходе по разрешению школьных конфликтов. *Вестник восстановительной юстиции*, 18, 87—97. URL: <https://elibrary.ru/eoobak> (дата обращения: 25.05.2026).
Ivanov, E.P. (2026). A qualitative study of the phenomenon of forgiveness in a restorative approach to resolving school conflicts. *Bulletin of Restorative Justice*, 18, 87—97. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/eoobak> (viewed: 25.05.2026).
6. Карнозова, Л.М. (2024). *Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): Монография*. М.: Проспект. URL: <https://elibrary.ru/icghnf> (дата обращения: 25.05.2026).
Karnozova, L.M. (2024). *Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime): Monograph*. Moscow: Prospect Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/icghnf> (viewed: 25.05.2026).
7. Карнозова, Л.М. (2018). Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации.

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

Вестник восстановительной юстиции, 15, 145—201. URL: <https://elibrary.ru/gpterq> (дата обращения: 25.05.2026).

Karnozova, L.M. (2018). Monitoring of the activities of territorial reconciliation services for 2017, carried out within the framework of the All-Russian Association of Restorative Mediation. *Bulletin of Restorative Justice*, 15, 145—201. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/gpterq> (viewed: 25.05.2026).

8. Карнозова, Л.М. (2015) Российские институты обращения с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом: педагогика и право. *Вестник восстановительной юстиции*, 12, 25—40. URL: <https://elibrary.ru/eoobak> (дата обращения: 25.05.2026).

Karnozova, L.M. (2015). Russian institutions for dealing with minors in conflict with the law: Pedagogy and law. *Bulletin of Restorative Justice*, 12, 25—40. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/eoobak> (viewed: 25.05.2026).

9. Карнозова, Л.М., Максудов, Р.Р. (Ред.). (2006). *Организация и проведение программ восстановительного правосудия: Методическое пособие*. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».

Karnozova, L.M., Maksudov, R.R. (Eds.). (2006). *Organization and implementation of restorative justice programs: A methodological manual*. Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center Publ. (In Russ.).

10. Кристи, Н. (1999). *Конфликты как собственность*. Пер. с англ. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».

Christie, N. (1999). *Conflicts as Property*. Trans. from Eng. Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center. (In Russ.).

11. Максудов, Р.Р. (2009). *Проведение программ восстановительного правосудия для несовершеннолетних: Методическое пособие*. М.: Информполиграф.

Maksudov, R.R. (2009). *Conducting restorative justice programs for minors: A methodological manual*. Moscow: Informpoligraf Publ. (In Russ.).

12. Рецинджер, С.М., Шефф, Т.Дж. (2001). Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи. *Вестник восстановительной юстиции*, 3, 94—114.

Retzinger, S.M., Sheff, T.J. (2001). A strategy for community conferences: emotions and social connections. *Bulletin of Restorative Justice*, 3, 94—114. (In Russ.).

13. Chapman, T., Laxminarayan, M., Vanspauwen, K. (Eds.). (2021). *Manual of restorative justice values and standards for practice*. Leuven: European Forum for restorative justice.

14. Flora, S.H., Harmono, H., Alves, L. (2025). Effectiveness of the implementation of restorative justice in the juvenile criminal justice system. *Rechtsnormen Journal of Law*, 3(1), 33—44. <https://doi.org/10.70177/rjl.v3i1.2068>

15. Fridayani, H.D., Putri, D.D.P. (2023). Sounding the Justice for Child: Does Restorative Justice Matters? *Journal of Law and Legal Reform*, 4(3), 303—324. <https://doi.org/10.15294/jllr.v4i3.68106>

16. *Handbook on Restorative Justice Programmes* (2nd ed.). (2020). Vienna: United Nations.

17. Jonas, J., Zebel, S., Claessen, J., Nelen, H. (2022). The psychological impact of participation in victim-offender mediation on offenders: evidence for increased compunction and victim empathy. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 812629. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.812629>

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

18. Karimullah, S.S. (2023). From punishment to Healing: The transformative power of restorative justice. *SASI*, 29(4), 678—690. <https://doi.org/10.47268/sasi.v29i4.1688>
19. Liebmann, M. (2007). *Restorative Justice. How It Works*. London: Jessica Kingsley Publishers.
20. Omowon, A., Kunlere, A.S. (2024). Restorative justice practices: Bridging the gap between offenders and victims effectively. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 24(3), 2768—2785. <https://doi.org/10.30574/wjarr.2024.24.3.3978>
21. Quinney, D., Wenzel, M., Woodyatt, L. (2024). The Role of Truth in Victim—Offender Mediation: Victims of Crime Who Feel They Know the “Whole” Truth Are More Receptive to Apologies. *Law and Human Behavior*, 48(3), 228—245. <https://doi.org/10.1037/lhb0000564>
22. Suzuki, M. (2022). Possibility of Sincere Apology in Restorative Justice: When and How? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 68(13-14), 1342—1356. <https://doi.org/10.1177/0306624X221132238>

Информация об авторах

Людмила Михайловна Карнозова, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, руководитель магистерской программы «Восстановительный подход в сфере семьи и детства», факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0925-910X>, e-mail: karnozova@yandex.ru

Дарья Юрьевна Кормилицина, магистрант факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6060-0545>, e-mail: kormilicina.d@yandex.ru

Information about the authors

Lyudmila M. Karnozova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor at the Department of Legal Psychology and Law, Head of the Master's Program “Restorative Approach in the Sphere of Family and Childhood”, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0925-910X>, e-mail: karnozova@yandex.ru

Daria Yu. Kormilitsina, Master's Student at the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6060-0545>, e-mail: kormilicina.d@yandex.ru

Вклад авторов

Карнозова Л.М. — аннотирование, идея исследования, планирование исследования, написание и оформление рукописи.

Кормилицина Д.Ю. — сбор и анализ источников по проведению восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю. (2026)
Восстановительный процесс в программах
восстановительного правосудия по ситуациям
правонарушений несовершеннолетних
Психология и право, 16(3), 189—207.

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu. (2026)
The restorative process in restorative
justice programs for juvenile
offense situations
Psychology and Law, 16(3), 189—207.

Contribution of the authors

Lyudmila M. Karnozova — annotation, research idea, research planning, writing and preparation of the manuscript.

Daria Yu. Kormilitsina — collection and analysis of sources on the implementation of restorative programs for juvenile offenses, writing and preparation of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 14.07.2026
Поступила после рецензирования 27.08.2026
Принята к публикации 27.08.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.14
Revised 2026.08.27
Accepted 2026.08.27
Published 2026.09.30